

СУДНЫЕ ДНИ

Андрей
ВОЛОС

НЕУДАЧНАЯ
ОХОТА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Паоло Уччелло «Охота в лесу» (1460)

Волос, Андрей.
В68 Неудачная охота : сборник / Андрей Волос. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Судные
дни. Проза Андрея Волоса).

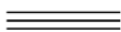
ISBN 978-5-699-99072-6

Южная ночь, вокруг никого, пейзаж словно штриховая иллюстрация — и посреди этой картинки на смиренной лошади едет мальчик и представляет себя героем приключенческого романа... Повесть «Неудачная охота» и другие произведения, входящие в этот сборник, рассказывают о разных временах и событиях, но в них неизменно одно: Андрей Волос мастерски воссоздает внутренний мир всякого живого существа — того, кто умеет точно чувствовать, и того, кто вдобавок может облечь свои чувства в слова, — и мир вокруг нас.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99072-6 © Волос А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

НЕУДАЧНАЯ
ОХОТА

— **В**от и Гулино́р, — услышал Митька. — Приехали.

Что-то зашуршало, брякнуло — и стихло.

Он завозился, сел, ощупкой пробрался к заднему борту. Завалился животом, перелез и кое-как спрыгнул, почувствовав слабость в затекших ногах.

Маленько пошатывало. Из-за машины доносились громкие голоса, небо было звездным, только по краям черное: то ли облака, то ли вершины гор.

— Я думал, вчера прикатите, — весело и громко звучал незнакомый голос. — А Мерген-то: нет, говорит, Володя, сегодня не жди, завтра будут... Ну, заходите, заходите!

Митька сделал два неуверенных шага и увидел чахлый свет, падавший из узкого окна. Ночь звенела вокруг, словно муха-цыцыга в спичечной коробке. Дверь кибитки раскрылась, бросив на землю желтый помаргивающий прямоугольник.

— Здрасьте, — машинально сказал он, переступая порог и озираясь.

Внутри пахло кожей, по углам громоздились ящики, дощатые щиты, спальные мешки в чехлах и — седла. На крючьях мотки веревок, брезентовых ремней. По-

середке стол. Горели две керосиновые лампы — это их свет он видел снаружи.

Мызин черпнул из ведра и протянул кружку Клавдии Петровне. Она пила, запрокинув голову. По стенам и потолку кибитки гуляли крыластые тени.

Дверь то и дело хлопала. Вот вошел Коваль с двумя буханками хлеба, за ним Мерген занес коробку с огурцами и помидорами. Заглянул Васильич, взял кастрюлю с водой. Мызин бросил ему, чтоб не больно размывался: есть пора. Васильич буркнул что-то, пропал, скоро вновь появился с охажкой мытой зелени. Володя уже гремел мисками, раскладывая оглушительно пахнущую еду. Рыжий Васильичев пес по кличке Зарез тоже весело беспокоился и шмыгал из кибитки и обратно, пока ему не попало по заду хлопнувшей дверью.

Когда наконец расселись, Коваль, будто что-то вспомнив, вышел, а вернулся с двумя бутылками водки.

— Вот она, родимая, — сказал Васильич, следя за тем, как он водружает их на стол.

Коваль неуверенно взглянул на Мызина и сел на прежнее место, разминая ладони.

— Руки отмотал, — сказал он как бы между прочим. — Эх, жизнь!..

— Ну-ну, — сказал Мызин. — Прямо-таки отмотал. Тогда уж и стаканы давай, что ли.

Набив пузо макаронами с тушенкой, сытый, зачарованный порханием теней, Митька осоловело моргал, неотрывно следя за огнем, живущим в стекле лампы, и все, что случилось за день, скользило перед глазами чем-то вроде легкого сна или быстрой череды картин, сляющихся друг на друга.

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Брякали ложки, булькала водка, гулкие голоса и смех долетали, казалось, откуда-то издалека.

Раскрасневшийся Коваль безостановочно нес какую-то чушь, адресованную Клавдии Петровне. Она то и дело ахала и говорила «Неужели?».

— А когда Пушкин шел по этой дороге назад... как это — откуда? Из Персии шел, откуда ж еще. И его, значит, схватили басмачи... Что? Почему это не было? Нет, басмачи всегда были. Поймали и говорят... Что на каком? На русском говорят, нашелся у них один... э, Клавдия Петровна, честное слово, какая вы все-таки недоверчивая. И, значит, говорят: выкуп гони. А он отвечает стихами...

Когда Митька третий раз ткнулся Мызину в плечо, тот сказал:

— Спишь? Иди-ка в машину. Пойдем, посвечу. Они тут долго еще литературоведением заниматься будут.

Под его присмотром Митька забрался в кузов, разложил спальник и кое-как в него засунулся. Кажется, еще пытался понять, попал во вкладыш или нет.

Но не успел.

* * *

Солнце еще гуляло где-то за хребтом, с неба струился серый и чуть розовый утренний свет. Дорога кончалась там, где стояла машина, а дальше было просто вытопанное овцами пыльное поле, переходившее в каменистый желтый склон. Чуть поодаль и выше зеленел, лепясь по склону этажеркой глиняных крыш, кишлак. Тут и там поднимались утренние дымки. Заорал осел; откуда-то с другого конца деревни долетел певучий женский голос — кого-то отчитывал или на чем-то

настаивал; в ближнем дворе, как заведенный, хрипло мекал баран.

Склон рос выше и выше, становился кручей, становился скалой — воздымались горы, как ряд застывших в порядке старшинства негладких волн. Испещренные крапинами, чертами и штриховкой зелени, мелких ущелищ, глыб и камней, они, казалось, смотрят и все не могут разглядеть — это что же там такое копошится?..

Но вдруг на самой вершине самой высокой горы что-то вспыхнуло — словно там в один миг расплавился камень, а в следующее мгновение солнечная граница побежала ниже и ниже, оттеняя темный борт, — не удержиимо потекла, и сразу стало теплее.

— Проснулся? — сказал Мызин. — Сбегай-ка за водой. По тропе вниз — там увидишь.

Подхватив ведро, Митька пошел, куда сказали, и вдруг увидел лошадей. Они стояли, совсем настоящие, в квадратном загоне. Их было пять — две серые, две темно-коричневые и одна — желтая.

Он подошел к ограде и встал, держась за проволоку. Лошади качали хвостами. Вот у желтой задергалась короткая шерсть на ляжке. Один из чалых потянулся к его ладони и разочарованно фыркнул, когда Митька, испугавшись, отдернул руку.

Вилась зыбкими столбиками мелкая мошकारа. Лошади моргали. Чалый снова посмотрел — большим серым глазом с тонкой сетью розовых прожилок. Митька не знал, что делать. Он выпустил из рук ведро и бросился назад.

И наткнулся на мирно бредущего куда-то Ковалю.

— Лошади! — завопил Митька. — Там! Лошади! Лошади!

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Он схватил Ковалья за карман штанов и потащил к загону.

— Ты чего? — удивился было Коваль. — Не волки же!

— Да вот же, вот! — крикнул Митька. — Вот они!

Коваль подошел к плетню и оперся. Потом отстранился, нашаривая папиросы.

— Да, — протянул он. — Ну, точно, лошади. Мерины. Ах, подлец, где ж ты хвост потерял? Глазищи-то, а!.. И ведь ездют на них, ну что ты скажешь. Тоже вот — техника...

— Настоящие!

— Ты лошадей, что ли, не видел? — спросил Коваль, посмотрев на Митьку. — Лошади, да. Это тебе не бараны... Копыта-то, а! Как даст по башке — и п-п-п... — Он с усилием остановился, не договорив. Неудовлетворенно помолчав, вздохнул: — Вот уж не знаю, как их татары хавают. Одно слово — махан.

* * *

Коваль напился на дорожку чаю. Володя налил ему с собой большую банку ледяной воды, бухнул кружку крепкой заварки — вода вспенилась, чайники закружили в ней, опускаясь на дно.

Коваль одобрительно кивал. Потом пожал всем руки. Митьку потрепал по плечу.

— Значит, — говорил Мызин, — через три недели ждем с продуктами. Деньги у Расула получишь. Понял? Не перепутай, двадцать третьего. Список-то не потерял еще? А то мы по твоей милости с голодудохнем.

— Не подохнете, — отвечал Коваль. — Вы сейчас медведя завалите, пару кабанчиков — у-у-у-у-у, житуха!.. Ну все, ну все, — он поднял руки жестом сдающегося в плен. — Лады, лады... Двадцать третьего, Геннадий Николаевич, как в аптеке. Клавдия Петровна, Дангару буду проезжать, вам сухого коньяку купить? Ну какой-какой, обыкновенный сухой коньяк, заливаешь водой горсть, через неделю бочка... ну все, ну все.

Помахал из кабины рукой. Завелся мотор, пофырчал; после яростной перегазовки машина тронулась и покатила вниз по дороге, подпрыгивая на выпирающих камнях и перекашиваясь кузовом то вправо, то влево.

Они сводили лошадей на водопой (у Митьки тоже получилось, зря он боялся), а когда поднялись, Мызин увещевал Клавдию Петровну:

— Нет, поедете на самом смирном, да еще и в поводу, — говорил он, то и дело тыча пальцем в переносицу, чтобы поправить очки. — То есть ваш повод привяжем к седлу кому-нибудь... Мергену или Володе, — и поедете. Что? Можно и к моему, пожалуйста... Клавдия Петровна, вы когда еще знали, что придется ехать верхом... Нет, машина туда не идет. Машина по горам не ходит. Это ведь не козел. Машина уехала, вы сами видите... Что значит — почему? Не знаю почему. Нет дороги, только тропа. Не сделали дорогу... Что значит — когда? Клавдия Петровна, мы этой дороги ждать не будем... Ну куда же он вас увезет, если его повод держит?.. Нет, не сбесится. Лошади от жары не бесятся... Что за случайность? Не бывает таких случайностей... Нет, и в пропасть не кинется. Зачем ей в пропасть?.. Что значит — кто ее знает?

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Ну, вы по себе посудите — вы станете ни с того ни с того в пропасть кидаться?.. Да, я понимаю, что вы не лошадь... Ну что вы, что вы! Бросьте, бросьте... Ни в коем случае. Клавдия Петровна, пешком вы не дойдете, нет... Клавдия Петровна, господь с вами, ну на какой же старости лет! Вам больше сорока не дашь.

Клавдия Петровна с ужасом смотрела, как Володя выносит из кибитки потники и седла. Мерген выволок охапку каких-то ремней с железками, стал разбирать и вешать на изгородь.

— Кого под вьюки-то ставить? — почему-то недовольно спросил он.

— Своего ставь, — сказал Мызин. — Володиного ставь. И Орлика. На нем Митька поедет. Поедешь на Орлике?

— А это кто? — оторопело спросил Митька.

— Какая тебе разница, — сказал Мызин. — Вот Орлик. Которого ты поить водил.

Митька заволновался. Его лошадь!..

Мерген взвалил Орлику на спину вьючное седло. Орлик вздохнул и опустил голову. Как ни крути, думал Митька, присматриваясь к нему, а все же он самый красивый. Одно имя чего стоит — Орлик! Правда, чуть недостает хвоста — то ли выдрали, то ли сам вылез; во всяком случае, вместо тех роскошных, пошвыстывающих на лету хвостов, что были у других лошадей, сзади висела жидкая и короткая прядь. Ну да ведь дело не в хвосте!.. Митька ревниво обошел кругом, следя, как Мерген затягивает подпруги: затянул одну, ткнул Орлика кулаком в брюхо, затянул вторую, еще раз ткнул и дотянул обе. Ему стало неприятно, что его лошадь тычут кулаками. Он встал у Мергена за спиной.

— А вот ты не ходи сзади, — сказал Мерген и опять ткнул Орлика в пузо. — Как даст копытом, понял, башку снесет, и не живой будешь, а мертвый.

— Не даст, — хмуро сказал Митька. — Что вы его все тычете? Если вас так тыкать, вы тоже лягаться начнете.

— Ух ты! — сказал Мерген, поворачиваясь. — Умный какой. А мозги не жмут? А выюк сползет, кто переседлывать будет? Ты, что ли, будешь переседлывать?

На Митькино счастье, вышел из кибитки Мызин. Мерген отвернулся, принялся что-то поправлять в ремнях.

— Митя, — позвал Мызин. — Слышишь? Возьми кусок лепешки, дай ему, чтобы он тебя знал. Сейчас дай, пока не взнуздали.

Митька метнулся в кибитку, вернулся с хлебом. Протянул Орлику.

Орлик повел головой, помаргивая, потянулся к ладони, а потом так ощерился и показал такие зубы, что Митька сробел и отдернул руку.

— На ладони давай, — сказал Володя. — С ладони он губами возьмет.

Митька растопырил ладонь, выгнув изо всех сил. Орлик моргнул, двинул ноздрями на запах и вдруг, обдав кожу теплым влажным дыханием, взял хлеб.

Митька еще стоял с ладонью дощечкой, но тут сердитый Мерген взял уздечку и начал залаживать удила, тыча железякой Орлику прямо в рот. Орлик щерился и крепко стискивал зубы. В конце концов поддался — и долго после этого огорченно жевал, лязгая зубами по железу. Мерген бросил повод Митьке и принялся за другую лошадь.

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Подошел Сафед. Он должен был сторожить кибитку-склад, пока их не будет. Все по очереди пожали ему руки. Сафед улыбался и цокал языком. Тюбетейка криво сидела на лысой голове. Васильич мигом увлек его в быстролетный разговор. «Чучка много этот год, — кивал Сафед. — Все порыл, такой свинья!» Митька наострил уши. Чучка — это он знал, так по-узбекски таджики называли кабана. Васильич об охоте с Сафедом толкует. Много ли, дескать, в этом году кабана. Васильич — охотник заядлый и удачливый. Отец не раз говорил. Даже вроде как с завистью. Мол, мимо Васильича ни птица не пролетит, ни зверь не прошмыгнет. Трах! — и готово.

— Ну вот, — сказал Мызин. — Давайте, Клавдия Петровна, грузитесь.

Клавдия Петровна заохала. На седло ей приспособили подушечку. Сумку с торчащим из нее горлышком бутылки Володя привязал сбоку.

— Боже мой, — сказала Клавдия Петровна, задирая ногу. — Держите же его, Володя, держите!..

Она припрыгнула, встала в стремени и замерла, повиснув на седле животом.

— Тц, тц, тц! — сказал Сафед, горестно качая головой. — Бедный женщин!

— Вот так, — говорил Мызин, помогая ей усесться. — Вот сюда... Поедем шагом, так что учиться вам ничему не надо, но все равно упирайтесь в стремени — будет легче.

Мерген неожиданно залился смехом. Мызин цыкнул на него и повернулся к Митьке.

— Давай!